

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.



Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 50. Is. 4. pp. 1575-1583. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.4.1575
Journal homepage: <http://ejournal52.com>



Distance and Distance Chiefs of the Kazakhs of the Orenburg Province (1830–1860)

Gulmira S. Sultangalieva ^{a, *}, Zhanna K. Dyussebekova ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

The article reveals the process of introduction the distance system on the territory of the Kazakhs of the Orenburg region and the appointment of the distance chiefs for almost forty years (1831–1868). It was important for the Russian administration to force the integration of the Kazakh Steppe into Empire by creating a fractional territorial administrative structure of governance, strengthening the influence of Russian power in the Steppe, since in the first half of the XIX century Orenburg region served as bridge for the advancement of the Russian Empire in Central Asia. Distant system gave the ability to systematically record the number of tents and the number of Kazakh people in the depths of the Steppe and collect tent taxes from the local population and regulate the relationship between border residents and nomads. The article is based on archival documents extracted from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and historical literature.

Keywords: Kazakh steppe, distance, Orenburg region, distance chiefs, Russian Empire, administrative reforms, military ranks.

1. Введение

Основной тенденцией развития современной исторической науки является стремление переосмыслить с новых методологических позиций исторические источники, разнообразные по своему содержанию и значимости. Смена методологических векторов повлияла и на научный интерес к изучению социокультурных явлений в развитии региона, системы управления в казахском кочевом обществе XIX в. Одним из этих звеньев управления казахами Оренбургского ведомства стали дистанционные начальники, стоявшие во главе новых территориально-административных структур – дистанций (административные участки между крепостями) на Оренбургской пограничной линии. Данная система была введена в 1831 году по инициативе оренбургского военного губернатора Павла Петровича Сухтелена (1830–1833).¹ Внутри каждой дистанции, напротив каждого форпоста или между крепостями образовывалась своеобразная административно-территориальная единица, возглавляемая местными начальниками из почетных казахов. Оренбургский губернатор П.П. Сухтелен был сторонником сохранения казахов в качестве кочевников, а не оседлыми жителями, поэтому считал важным сохранения их пастбищных угодий. И для упорядочения пользования землей между казаками и казахами предложил разделить землю от Гурьева до Зверноголовской крепости на дистанции (Семенов, Семенова, 1999: 77–78).

С другой стороны, российские власти пытались создать в первой половине XIX в. в Казахской степи так называемый административный аппарат, наличие которого являлось неперенным условием функционирования системы «государство – общество». Этот административный аппарат включал на территории казахов Оренбургского ведомства следующие звенья: султаны – правители Западной, Средней и Восточной части, дистанционные и местные начальники. К сожалению, в

* Corresponding author

E-mail addresses: sultangalievagulmira@gmail.com (G.S. Sultangalieva)

¹ За внедрение этого проекта Оренбургский губернатор был награжден орденом св. Александра Невского 9 апреля 1832 года.

отечественной исторической литературе и учебниках по истории Казахстана механизм создания дистанций в каждой части казахов Оренбургского ведомства, функции и деятельность дистанционных начальников, взаимодействие их с российской региональной и центральной властью, с султанами-правителями, местными начальниками практически не исследована и не освещена. Изучение дистанционной системы дает толчок не только внимательному прочтению нового пласта исторических документов, выявлению новых персоналий из числа «почетных» казахов, их управленческих функций как чиновников Российской империи, адаптации казахского населения к нововведениям российской власти в Степи, но и позволяет взглянуть по-новому на практику управления регионами имперской политики, определить законодательную базу Российской империи при разработке и внедрении новых административных реформ в первой половине XIX в.

2. Материалы и методы

Методологическую основу данного исследования составили принципы историзма и объективности. Инструменты исследования принципа историзма способствовали изучению процесса формирования дистанционной системы, ее географической дислокации, адаптации родоплеменной структуры казахского кочевого общества к нововведениям имперской власти, социальных трансформаций, происходивших в поведении, повседневной жизни новых управленцев в Степи. Объективный анализ исторических документов, извлеченных из фондов Центрального государственного архива РК, и законодательные положения [Утвержденное мнение Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем (1824), Положение об управлении оренбургскими казахами (1844)] дали возможность восстановления реального знания исторических событий кочевой общины первой половины XIX в. Изучение института дистанционных начальников в истории Казахстана является важным, так как позволяет понять трансформационные процессы в системе управления Степью, динамику изменений веками сохранявшегося кочевого образа жизни казахов, формирования новых направлений социального, политического характера. Метод диахронии и синхронии позволил дать объяснение историческим изменениям в социальной, культурной и политической жизни казахского кочевого общества на протяжении столетия, выявить ключевые события, влияющие на трансформацию сознания казахского населения и восприятия новых форм адаптации к изменившимся условиям.

3. Обсуждение

В современной исторической науке больше внимания уделяется изучению так называемого верхнего этажа административного аппарата (генерал-губернаторы, военные губернаторы), который находился почти исключительно в руках русского чиновничества (Лысенко, 2001; Семенова, 2001; Матханова, 2002; Любичанковский, 2003), в то время как представители казахского населения в основном были представлены в низовом звене управления (дистанции, волость, аул).

В отечественной историографии фундаментальных работ, посвященных изучению дистанционной системы, практически нет. Однако среди историков-исследователей можно выделить тех, кто занимался изучением новой истории Казахстана и косвенно затрагивал вопрос внедрения дистанционной системы в Степи. В дореволюционной историографии мы можем выделить обобщающие труды по истории Казахстана XIX в. русских чиновников, находившихся на службе в Казахской степи, которые в своих исследованиях опирались не только на документальные материалы, но и личные наблюдения, устанавливали контакты с представителями казахской знати, в частности работы И.Ф. Бларамберга (Бларамберг, 1848), И.М. Казанцева (Казанцев, 1867), Л.Л. Мейера (Мейер, 1865), А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1990). И.М. Казанцев в своей работе обратил внимание на то, что к середине XIX века на территории Младшего жуза насчитывалось 33 казахских рода, кочевья которых были расположены между созданными 54 дистанциями (Казанцев, 1867: 62). Л. Мейер дал более подробную характеристику распределения дистанций на территории Западной, Восточной и Средней частей казахов Оренбургского ведомства (Мейер, 1865: 263).

В советской историографии нужно отметить работы известного исследователя Салыка Зимановича Зиманова (Зиманов, 2009), внесшего вклад в изучение административных реформ и развития системы местного управления в Казахской степи. Его заслуга состоит в том, что он стал одним из первых советских историков, изучивших детально административные реформы на территории казахов Среднего (1822), Младшего жузов (1824) и, основываясь на архивных документах, представивших общую картину расселения казахских родов Младшего жуза по дистанциям, включавшимся в Западную, Среднюю и Восточную части казахов Оренбургского ведомства (Зиманов, 2009: 225–228). Дальнейшие исследования казахстанских исследователей Б.М. Абдрахмановой (Абдрахманова, 1998), К.А. Жиренчина (Жиренчин, 1996) по административной реформе русского правительства в первой половине XIX в. в Степи в основном только констатировали факт введения дистанционной системы 1831 года на территории казахов Оренбургского ведомства. Вопросы традиционной организации казахского кочевого общества, механизма функционирования традиционных структур власти у кочевников-казахов рассмотрены в монографии известного казахстанского этнолога Н.Э. Масанова. Им основательно исследована система материального производства кочевого казахского общества, которая во многом определила формы социальной

организации и понимание кочевой общины не только как родовой структуры, но и в первую очередь как хозяйственной единицы. Н.Э. Масанов сделал важный вывод о том, что административные реформы, вводимые Империей в XIX в., не изменили основные принципы функционирования казахского кочевого общества, и поэтому создаваемые российской властью новые административные структуры – волость (Средний жуз), дистанции (Младший жуз) – в новых административно-политических условиях выполняли функции «урегулирования большого спектра межгрупповых отношений по поводу пастбищных угодий и маршрутов кочевания, а также внешнеполитических аспектов жизнедеятельности номадов» (Масанов, 1995). Изучению процесса встраивания родоплеменной структуры казахского кочевого общества в новую систему отношений власти и общества в XIX веке и эволюции традиционных властных институтов посвящено исследование историка Ж.М. Джампеисовой (Джампеисова, 2006). Изучению межродовых отношений казахского народа в процессе административной политики Империи в Степи посвящены исследования американского историка В. Мартин (Мартин, 2012).

Реконструкция исторической географии Казахстана XIX века рассмотрена казахстанским историком Г. Ксенджик. Ею представлена историко-географическая характеристика территории казахов Оренбургского ведомства и даны материалы по созданию дистанций (Ксенджик, 2015: 100–104).

4. Результаты

В первой половине XIX века в силу важности стратегического значения территории Оренбургской губернии, являвшейся своеобразным мостом для продвижения Российской империи в Среднюю Азию, важно было форсировать интеграцию пограничной Казахской степи в состав Империи. С введением «Утвержденного мнения Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» (1824), разработанного оренбургским генерал-губернатором Петром Кирилловичем Эссеном (1817–1829), ханская власть была упразднена в Младшем жузе. В результате проведенных нововведений территория Младшего жуза была разделена на три внешних Зауральских округа. Далее Зауральские округа были переименованы в Западную, Среднюю и Восточную части во главе с султанами-правителями (Бекмаханов, 1947: 120). Средняя часть включала землю верхнего течения реки Урал от крепости Степной до устья Илека и Большой Хобды на севере, до Аральского моря на юге. Западная часть с севера и запада была ограничена рекой Урал, на юге включала в себя перешеек между Каспийским и Аральским морями. Административный центр Восточной части расположился в крепости Усть-Уйской, Средней – в Изобильной крепости, а Западной – в Затонном форпосте (Ксенджик, 2015: 99–100).

Однако буквально через семь лет после введения системы управления частями казахов Оренбургского ведомства потребовалась новая реформа, так называемая дистанционная. По сути, инициатор данной реформы, оренбургский губернатор П.П. Сухтелен, посчитал возможным апробировать практику разделения территории казаков Оренбургского казачьего войска на дистанции в Казахской степи. Более того, он понимал, что султаны-правители не могли эффективно управлять огромными по площади частями казахов Оренбургского ведомства в Степи, поэтому возникла потребность разделения территории частей на отдельные дистанции и местные участки (старшинства). Региональная администрация видела необходимость введения данной реформы и потому, что системный учет количества кибиток и численности казахского населения, находившегося в глубине Степи, не проводился, а это был очень важный фактор для своевременного сбора и контроля кибиточной подати с местного населения. Более того, неразработанность и незавершенность законопроекта 1824 года выявили отсутствие механизма по урегулированию взаимоотношений между приграничными жителями и кочевниками. Отсюда важным стал пункт подотчетности каждой дистанции начальнику пограничной линии, где кочевья казахских родов были смежными с селениями казаков и русских. Далее, потребность региональной администрации в выявлении дальнейших маршрутов по продвижению русских войск в направлении Средней Азии толкала на детальное изучение географических условий территории и возможности строительства новых стационарных пунктов как опорных баз для усиления влияния имперской политики в глубине Степи. Это было возможно только при создании дробной территориально-административной структуры управления.

Причины введения дистанционной системы нашли отражение в функциях, определенных для дистанционных начальников, которые в первую очередь осуществляли контроль над ежегодными сборами кибиточной подати и должны были исполнять все указания и предписания султана-правителя, Пограничной комиссии, военного губернатора и линейного начальника, а также извещать линейные власти о «злонамеренных слухах и намерениях подданных» казахов, пресекать выступления, мятежи подведомственного им населения против русского правительства. Для усиления контроля над казахским населением дистанции должны были быть разделены на старшинства или местности во главе с местными начальниками, которые служили промежуточным звеном управляющих из числа старшин и родопривителей между дистанционными начальниками и султанами-правителями. Как мы видим, данная система управления подразумевала вертикальную подотчетность каждого звена. Султанам-правителям частей казахов Оренбургского ведомства подчинялись дистанционные

начальники, а последним – местные начальники. На содержание всего местного административного аппарата ежегодно расходовалось более 64 тыс. рублей из государственной казны.

За 36 лет (1831–1867) существования дистанчной системы менялось количество дистанций, создавались новые или разделялись дистанции, превышающие норму численности казахского населения и т.д. Примечательно, что административные участки-дистанции включали кочевья определенных родов, что приводило к прикреплению их кочевий к определенной административной структуре и охватывали территорию от Звериноголовской крепости до Каспийского моря.

«Положение об управлении Оренбургскими казахами» (14 июня 1844 г.) детализировало механизм дистанчной системы управления. Более того, были введены новые должности – попечителей – из числа русских чиновников, преимущественно из отставных военных, которые осуществляли контроль над действиями казахской администрации. В обязанность попечителей входило разрешение споров, возникавших между казахами и жителями пограничной линии, тем более что к 1844 году накопились многочисленные жалобы на действия прилинейных казаков, которые, злоупотребляя своим привилегированным положением, всячески препятствовали скотоводческой деятельности местного населения. Количество попечительств насчитывалось шесть: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое и Михайловское.

Введение дистанчной системы управления разделило территорию Младшего жуза на прилинейные и степные дистанции. В период с 1831 по 1841 гг. было создано 32 административных участка вдоль Пограничной линии и степной части Младшего жуза. В 40-х годах XIX века дистанчная система управления была внедрена и в казахский род Младшего жуза – адай, кочевавший вблизи Ново-Александровского укрепления (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 55). По данным С.З. Зиманова, дистанция, организованная на территории кочевий казахского рода адай, включала 10 административных единиц – местностей, разных по обширности территории. Если примерно 150 тыс. дворов составляли 240 аулов, то на каждый аул приходилось 600 хозяйств и более (Зиманов, 2009: 227).

Восточная часть казахов считалась самой отдаленной территорией в Оренбургском ведомстве и включала земли между рекой Обаган и крепостью Степной, верховья реки Большая Хобда и далее на юг до нижнего течения рек Чу и Сырдарьи. Наибольшее количество степных дистанций находилось в Восточной части, число которых на этой территории насчитывалось 21 (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 30). Степные дистанции уступали по численности хозяйств, но превосходили по обширности кочевых участков. Примером создания дистанции, где локализовались бы кочевья одного рода или подрода, явилась дистанция, которая территориально примыкала к Восточной части казахов Оренбургского ведомства. Советник Оренбургской пограничной комиссии, генерал-майор Ладьженский, считал, что «для содержания порядка между ордынцами» нужно учредить в глубине степи новую дистанцию в аргынском роде по ходатайству султана-правителя Восточной части казахов Оренбургского ведомства Ахмеда Джантюрина и «именовать ее 55-й дистанцией». В состав новой дистанции вошли казахи отделения рода аргын – уджан, утемис, татан, которые «почти нераздельны и всегда кочуют вместе между реками Тургай и Тобол, содержа до 510 кибиток». Создание данной дистанции происходило на протяжении почти 10 лет (с 1847 г. по 1856 г.). Начальником новой дистанции был определен бий Кудабай Кучбин, «усердный по службе, способный, хорошего поведения, известный преданностью русскому правительству» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2427. Л. 1 и 10б.).

В Западной части оренбургских казахов находились дистанции, включавшие форпосты и укрепления: Ново-Александровское укрепление, Затонный, Прорвинский, Сухореченский станицы, г. Гурьев, Лебяжинский, Горячинский, Иртецкий, Бударинский, Январевский, Кирсановский, Кинделинский форпосты; реки: Уленты, Анкаты, Чидерте, Чангырлау, Булдурте, Барбастау. Площади дистанций были неравномерными, что затрудняло осуществлять своевременно кибиточный сбор и постоянное наблюдение за подведомственным населением. С этой целью на территории Западной части казахов Оренбургского ведомства наблюдалось разделение дистанций на новые и назначение новых дистанчных начальников. Свидетельством этому явились 8-я и 31-я дистанции. Султан-правитель Западной части казахов Оренбургского ведомства Мухаммедгали Тяукин сообщил председателю Пограничной комиссии в 1847 г., что дистанчный начальник, султан Сугурали Сугалин «по неопытности своей» не в состоянии управлять всей 31-й дистанцией, которая включала такие рода, как ужрай, тазлар, кете, и предложил разделить вышеназванную дистанцию на три части, при этом определить начальником дистанции, где кочевал род ужрай, султана Сугурали Сугалина, родом кете – султана Кулмухаммеда Баймухаммедова, а тазлар – султана Исен-Али Абдулмукуминова (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2840. Л. 192–193).

К 60-м годам XIX века одной из крупных и многочисленных дистанций оказалась и 8-я, которая являлась линейной и находилась вблизи Ново-Илецкого укрепления. В ее состав входили 12 административных участков, возглавляемых местными начальниками, а количество кибиток исчислялось в 4260 единиц (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2745. Л. 14–15). В результате 8-я дистанция была разделена на две части, одной половиной управлял султан Абдулмукуминов, второй частью – Канчувак Байтоков (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3261. Л. 1–2 об.).

Средняя часть оренбургских казахов включала Уртазымскую крепость, расположенную между Старой и Новой линиями, Ветлянский форпост, Григорьевскую станицу, Илецкую защиту, Островную

и Танальцкую станицы, Никольский, Ильинский, Донский форпосты, Верхнеозерную, Алабалтальскую, Черкасскую, Нежинскую станицы, Благословенный форпост; данная часть включала реки Орь, Терекли, Иргиз, Карабутак, Ямансу, Курайлы, Илек, Хобда, Бурте, Эмба, Малая Хобда, Киялы-Бурте. В 30-е годы XIX века на территории Средней части Младшего жуза Оренбургского ведомства было организовано 10 дистанций и 44 местных участка. В 40–50-е годы XIX века на территории Средней части были созданы еще 14 дистанций, что составило общим количеством 24 дистанции, а количество местных начальников – 69. (Агаджанов, 1997). Особенность данной части казахов Оренбургского ведомства состояла в том, что на этой территории была построена в 1835 году Новая линия между Орском и Троицком. Исходя из этого, важным было создание дистанций для управления кочевниками по Новотроицкой линии «в целях наблюдения за порядком», так и «для удержания от разных шалостей, начиная от новопоселенных Ясытамацкого отряда до Верхнеуральской крепости». Согласно архивным материалам фондов Центрального государственного архива РК, были созданы вдоль этой линии пять дистанций, которые в свою очередь были разделены на 15 местных участков (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 20–25). При этом на должности начальников дистанций по рекомендации султана-правителя Средней части Юсупа Нуралиева назначили «благонадежных» султанов (Бачана Абулгазина, Ашыка Габдуллина, Саналия Мурзагалиева, Бултая Куянова, Мирхайдара Темирова), а на должности местных начальников – старшин и биев каждого рода, кочевья которых были пограничны с расположенными против станицами или крепостями. Оренбургский военный губернатор, граф П.П. Сухтелен, обращаясь к назначенным дистанционным начальникам, писал: «Возлагаю на Вас с утверждения его Сиятельства должность начальника дистанции линейных казахов. Под начальством Вашим будут состоять определенные в должность местных старшин. Должность их объясняется в списке, а Ваша обязанность наблюдать, чтобы они отправляли оную с усердием, точностью и по всей справедливости, чтобы казахи вверяемой Вам дистанции не были допускаемы до преступлений и предохраняемы от обид и притеснений. Дабы быть в известности, что происходит, объезжать дистанцию свою чаще, следить за исполнением обязанностей местных начальников. О всех происшествиях должны доносить султану-правителю Средней части, в Пограничную комиссию через Линейное начальство» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1481. Л. 15–20).

Региональная администрация, изучавшая территорию вдоль Новотроицкой линии, выявила факт, что в районе реки Орь, от Ташкичу до устья Ташлыур, кочевали казахские рода жагалбайлы, торткара, алиши и другие (примерно 370 кибиток), которые подотчетны были только управляющим родами, но не русской власти, соответственно учет населения не производился, кибиточный налог с них не взимался. Пограничная комиссия располагала только данными, которые предоставлял эпизодически бий рода Младшего жуза жагалбайлы, Буркинбай Бугинбаев, который собирал эпизодически налог с подведомственного ему населения. Исходя из выявленных данных, в 1846 году чиновник Оренбургской пограничной комиссии для производства следствия в Степи Михаил Немчинов и есаул, султан Махмуд Алгазыев поставили вопрос о необходимости создания на этой территории Особой дистанции. Вместе с тем султан-правитель Средней части, войсковой старшина Арслан Джантюрин, считал, что нет необходимости в создании особой дистанции вблизи Орской крепости, так как «через увеличение числа начальников дистанций государственная казна будет иметь убыток из-за освобождения их от кибиточной повинности и выплаты жалований». Более того, он считал, что число кибиток рода жагалбайлы не превышало 50, поэтому можно было бы, по его мнению, их причислить к местному начальнику против Орской крепости. Вместе с тем попечитель прилинейных казахов выснил от местного начальника против Орской крепости Удера Урасбаева, что в районе рек Орь, Ташкичу, Миндыбай кочевали более 111 кибиток разных отделений рода жагалбайлы (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 14). В результате дискуссий региональная администрация в 1853 году приняла решение о важности создания Особой дистанции в составе Средней части казахов Оренбургского ведомства, которая была именована как 56-я (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 15–16). Дистанционным начальником был назначен бий рода жагалбайлы Беркимбай Бучинбаев. Помощник султана-правителя Средней части есаул Махмуд Алгазыев писал о нем, что он может исполнять эту должность с «пользой», а попечитель прилинейных казахов Орской дистанции Михаил Александровский докладывал, что 42-летний Беркимбай Бучинбаев – уважаемый «тамошними казахами, состояния довольно богатого, рассудителен и достойный к назначению на должность» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2388. Л. 33).

К 1857 году на всей территории Младшего жуза было образовано 57 дистанций, из них 32 относились к прилинейным, а 25 – к степным дистанциям. При этом в степных дистанциях число кибиток было меньше, чем в прилинейных. К примеру, если Западная часть охватывала 76 тыс. кибиток, то Восточная часть – всего 18 тыс. кибиток (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 366. Л. 54).

Введение дистанционной системы предполагало не только учет населения с целью систематического налогового обложения казахов Оренбургского ведомства, но и создания новой социальной опоры в лице дистанционных начальников, назначаемых из влиятельных султанов, биев, родоправителей, которые представляли низовое звено в системе управления казахами Оренбургского ведомства. При этом региональная администрация производила назначение на должность дистанционных начальников постепенно, а не одновременно по всей территории казахов Оренбургского

ведомства, «дабы выбор мог пасть на людей достойных и благонадежных». Региональные власти понимали, что только представители родовой знати, знавшие кочевой быт и места дислокации каждых родов, могут осуществить основную функцию – сбор кибиточной подати с казахского населения. Механизм назначения на должность дистаночного начальника представлял следующие этапы: 1. Султан-правитель на основании поступивших ему документов отправлял ходатайство об утверждении на должность и послужной список представленного кандидата председателю Оренбургской пограничной комиссии. При этом султаны-правители отмечали такие качества, как «усердие к службе, способность, расторопность и отлично-хорошее поведение» своих выдвиженцев (Жанаев, 2006: 75). 2. Председатель Пограничной комиссии готовил соответствующую документацию об утверждении на должность уже оренбургскому генерал-губернатору. Оренбургская администрация подходила к назначению той или иной кандидатуры взвешенно, изучала полные данные претендента. Одним из ярких примеров являло собой назначение султанов Асфендияра Сюгалина, Муртазагали Узбекгалиева в должности начальников дистанции. Свои мнения об этих султанах представили в 1848 году три советника Оренбургской пограничной комиссии: И.М. Бикмаев, П.П. Ванев, К.О. Каминский. Они были единодушны в том, что А. Сюгалин и М. Узбекгалиев «русскому правительству преданы, как все султаны, кочующие при линии и занимающие должности» (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2500. Л. 2–50б.).

Важным для восстановления службы дистаночных начальников является и тот факт, что на них по мере назначения составляли послужные (формулярные) списки, включающие все пункты чиновника Российской империи. Анализ послужных списков дистаночных начальников позволил определить, что около 20-ти дистаночных начальников Оренбургского ведомства из 52-х назначенных за 1831–1869 относились к султанскому сословию. В основном все они являлись представителями династии ханов Младшего жуза Нуралы (1748–1786), Айшуака (1797–1805), Сергазы (1812–1824). Находясь на этой должности, они получали воинские чины регулярных войск: подполковника (Мухамеджан Баймухамедов, 8-я дистанция), хорунжего (Булхайров Бигали, 31-я дистанция; Суюнучали Медетгалиев, 13-я дистанция и др.), сотника (Сулейман Джигангеров, 53-я дистанция; есаула (Асфендияр Сюгалин, 31-я дистанция) – и иррегулярных войск: зауряд-хорунжего (Досан Алгазиев, 10-я дистанция), зауряд-есаула (Махмуд Алгазыев, 8-я дистанция). Председатель Оренбургской пограничной комиссии В.В. Григорьев писал о начальнике 8-й дистанции, султани Мухаммеджане Баймухамедове как уже сформировавшемся российском чиновнике, который «хорошо знает порядок делопроизводства», самое главное, «привычный к управлению», успешно выполнявший неоднократные поручения Оренбургской администрации (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2745. Л. 1–20б.).

Следующий фактор, определявший выбор той или иной кандидатуры на должность дистаночного начальника, включал такие качества, как лидерские способности претендента: степень влияния на своих соплеменников, умение убеждать, объяснять и направлять настроение подведомственных ему казахов к принятию «верного» решения. Не случайно о начальнике 48-й дистанции Алгимбае Байгузине, прослужившем на этой должности одиннадцать лет, Оренбургская администрация писала, что «...дар слова на общественном сборе и в других делах принесли существенную пользу» в выполнении им своих обязанностей (ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4413. Л. 20б.). Прекрасное знание обычаев казахского народа, ум, ораторское искусство позволили начальнику 27-й дистанции Восточной части казахов Оренбургского ведомства Наурузбау Казыбаеву, по мнению чиновника И.Я. Осмоловского, иметь «...огромное влияние» на подведомственное ему население (Жанаев, 2006: 149–150). Кроме того, российское правительство при назначении на должность обещало, что «не оставит без воздаяния» различного характера вознаграждений и чинов, но только при условии «...усердного служения» (Добросмыслов, 1902: 395).

Размер жалованья дистаночных начальников зависел от разряда дистанции. Дистаночные начальники 1-го разряда (14 человек) получали жалование по 75 рублей серебром в год, 2-го разряда (13 человек) – по 50 рублей серебром, а начальники дистанций 3-го разряда – по 30 рублей серебром в год. Особым статусом пользовались начальники 53-й и 54-й дистанций, которые граничили с Уральским и Оренбургским укреплениями. Им выдавали оклад в размере 125 рублей серебром в год (Мейер, 1865: 67–70).

Султаны составляли наименьшее число местных начальников. Но их место службы являлось ключевым. Так, султан Хасан Джантюрин был назначен местным начальником у казахов, кочующих против г. Оренбурга, и соответственно участвовал в разборе взаимных претензий между казахами и казаками, случавшимися на оренбургской мене. Он был уважаем казахами за справедливость при разрешении конфликтных ситуаций (Жанаев, 2006: 215).

Руководством в практической деятельности дистаночных и местных начальников стали «Особые правила», составленные председателем Оренбургской пограничной комиссии Г.О. Генсом (Масевич, 1960: 210–215). В них четко была определена вертикальная система соподчиненности дистаночных и местных начальников султанам-правителям и пограничной власти. Дистаночные начальники в соответствии с номером своей дистанции подчинялись командиру линейной дистанции (коменданту крепости), против которой располагались казахские кочевья, султану-правителю той части, на территории которой располагалась дистанция, Местные начальники определенной дистанции

подчинялись дистанчному начальнику и султану-правителю. Все они были подотчетны перед председателем Пограничной комиссии и оренбургским военным губернатором. Функциональные обязанности дистанчных и местных начальников в принципе совпадали, каждый выполнял свою службу на вверенной ему территории. Они должны были отслеживать поведение своих соплеменников и удерживать их от всяких «неприятных поступков» против линейных жителей, ибо все являлись «подданными одного государства», а в «случае междоусобных ссор и обид» изыскивать меры к их «примирению». Но о каждом случае «неповиновения» должны были оперативно докладывать и представлять виновных пограничному начальству. Кроме того, они контролировали, чтобы никто самовольно не поселился вдоль линии без их «сведений» и согласия пограничного начальства, и имели право выслать своего соплеменника «...от вверенного им пространства», если он «...по каким бы то ни было причинам не хотел или не признавал русскую власть».

В «Положении» устанавливалась процедура принятия решений начальниками. Им строгойше запрещалось рассматривать иски местного населения без предписаний председателя Пограничной комиссии. При получении от подведомственных им казахов жалоб на линейных жителей дистанчные и местные начальники должны были своевременно извещать пограничные власти, в противном случае они подвергались взысканию по всей строгости общероссийских законов (Масевич, 1960: 212).

Согласно параграфу 84 «Положения» 1844 года, важной функцией дистанчных начальников являлся сбор кибиточной подати, который доставлялся в Комиссию определенным «порядком». Для этого дистанчным и местным начальникам выдавались шнуrowые книги, куда включались бланковые квитанции с печатью Комиссии на двух языках: русском и татарском за подписью одного из советников председателя Пограничной комиссии (параграф 86).

Дистанчные и местные начальники на выдаваемых казахам квитанциях прописывали род, отделение, имя вносителя, количество суммы, и с какого числа кибиток внесена кибиточная подать. В случае потери квитанции местные жители должны были стать свидетелями уплаты подати, и тогда им выдавались «засвидетельствованные с тех квитанций копии» (параграф 88).

Пограничная комиссия по отправляемым бланковым квитанциям по кибиточной подати вела счет с порядковой нумерацией и с записью в особую шнуrowую книгу. Одновременно дистанчные начальники обязаны были извещать султанов-правителей о сборе кибиточной подати, «о количестве оных и с какого числа кибиток» (Крафт, 1898).

Одним из самых действенных способов поощрения особо отличившихся казахов на службе было награждение военным чином. Должности дистанчных начальников соответствовали воинским чинам регулярных (прапорщик, поручик, капитан, майор, подполковник, полковник и т.д.) и иррегулярных (зауряд-хорунжий, зауряд-сотник, зауряд-есаул) войск. Зауряд-чины присваивались генерал-губернатором Оренбургской губернии. 8 июня 1853 г. местный начальник против Веринской станицы 27-й дистанции Каумен Алдияров произведен в чин хорунжего «за усердную службу, преданность русскому правительству и благоразумное управление», а спустя почти десять лет – в чин сотника, уже как начальник 20-й дистанции (ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 27. Л. 2–6). Эти примеры показывали, как представители казахской знати постепенно включались в состав офицерской российской местной элиты при сохранении прежнего социально-экономического статуса внутри казахского кочевого общества.

5. Заключение

На протяжении первой половины XIX в. влияние Империи на территории казахов Оренбургского ведомства постепенно усиливалось, расширялся вектор трансформаций казахского кочевого общества, увеличивалась прослойка из числа казахского населения, включавшаяся в новую систему управления. На должности дистанчных начальников назначались казахи, которые имели «заметное влияние» на подведомственных им казахов и показали определенное «усердие» и лояльность Империи. Дистанчные начальники, находившиеся на службе Российской империи, являлись на самом деле официальными проводниками государственной политики в Степи. Создание мелких административно-территориальных структур в казахских кочевьях и административного аппарата управления казахами позволяло региональной администрации собирать более подробные знания о регионе и его населении. В свою очередь, региональная администрация (Оренбургское генерал-губернаторство, Оренбургская пограничная комиссия) приобретала новый опыт в управлении и могла решать более сложные задачи.

Дистанчная система, просуществовавшая на территории казахов Оренбургского ведомства около сорока лет, свидетельствовала о том, что данная реформа была адаптирована местным населением. К концу 60-х годов XIX в. начался новый этап политики правительства по унифицированию административной системы управления Казахской степью Российской Аей. Для подготовки проекта Положения об управлении казахской степью в январе 1865 г. была образована так называемая Степная комиссия, состоявшая из представителей Министерств иностранных, внутренних дел, военного и «депутатов» от Оренбургского края и Западной Сибири. Двухлетняя деятельность Степной комиссии завершилась принятием 21 октября 1868 г. «Временного положения об управлении степных областей Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-

губернаторства». В результате большинство дистанчных начальников было переведено на должность волостного управителя или аульного старшины.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (АРО5130813).

Литература

Агаджанов, 1997 – Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. Отв. ред. С.Г. Агаджанов, В.В. Трепавлов. Авт. кол.: С.Г. Агаджанов, Ш.Ф. Мухамедьяров, В.В. Трепавлов. Москва, 1997. 416 с.

Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 гг. XIX в. Алма-Ата, 1947. 389 с.

Добросмыслов, 1902 – Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отдела Русского географического общества. Вып. 17. Тверь, 1902. С. 252–524.

Джампеисова, 2006 – Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Алматы, 2006. 269 с.

Жанаев, 2006 – О почетнейших и влиятельнейших ордынцах // История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Составитель Б.Т. Жанаев. Т. VIII. Ч. 2. Алматы, 2006. 962 с.

Зиманов, 2009 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в первой половине XIX в. и Букеевское ханство. Алма-Ата, 2009. 496 с.

Казанцев, 1867 – Казанцев И. Описание киргиз-кайсака. Санкт-Петербург. 1867. 231 с.

Крафт, 1898 – Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. Оренбург, 1898. 532 с.

Ксенджик, 2015 – Ксенджик Г.Н. Историческая география степных областей Казахстана в XIX – начале XX вв. Алматы, 2015. 406 с.

Лысенко, 2001 – Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи XVIII–XX вв. Москва, 2001. 358 с.

Любичанковский, 2003 – Любичанковский С.В. Губернское правление в системе губернаторской власти в последнее десятилетие существования Российской империи (на материалах Урала). Екатеринбург, 2003. 275 с.

Мартин, 2012 – Мартин В. Закон и обычай в степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX в. Алматы, 2012. 282 с.

Масанов, 1995 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. Алматы–Москва, 1995. 320 с.

Масевич, 1960 – Масевич. Материалы по истории политического строя Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т. 1. 460 с.

Матханова, 2002 – Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002. 258 с.

Мейер, 1865 – Мейер Л. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Санкт-Петербург, 1865. 414 с.

ПСЗРИ. Т. XXXVIII. 1830 – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. Санкт-Петербург. 1830. Т. XXXVIII. № 29126. 1354 с.

Семенов, Семенова, 1999 – Губернаторы Оренбургского края. Составители В.Г. Семенов, В.П. Семенова. Оренбург, 1999. 400 с.

Семенова, 2001 – Семенова Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половины XIX вв. Стерлитамак, 2001. 195 с.

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.

References

Agadzhanov, 1997 – Agadzhanov S.G. (1997). Natsional'nyye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovleniye i razvitiye sistemy upravleniya [National outskirts of the Russian Empire: formation and development of the management system]. Otv. red.: S.G. Agadzhanov, V.V. Trepavlov. Avt. kol.: S.G. Agadzhanov, Sh.F. Mukhamed'yarov, V.V. Trepavlov. Moskva. 416 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1947 – Bekmakhanov Ye.B. (1947). Kazakhstan v 20 40-ye gg. XIX v. [Kazakhstan in the 20 40-ies. XIX century]. Alma-Ata. 389 p. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1902 – Dobrosmyslov A.I. (1902). Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk [Turgai region. Historical essay]. Izvestiya Orenburgskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva. Вып. 17. Tver'. pp. 252-524. [in Russian]

Zimanov, 2009 – Zimanov S.Z. (2009). Politicheskiy stroy Kazakhstana v pervoy polovine XIX v. i Bukeyevskoye khanstvo [The political system of Kazakhstan in the first half of the XIX century and Bukey Khanate]. Alma-Ata. 496 p. [in Russian]

Kazantsev, 1867 – Kazantsev I. (1867). Opisaneye kirgiz-kaysak [Description Kirghiz-kaisak]. Sankt-Peterburg. 231 p. [in Russian]

- Dzhampeisova, 2006** – *Dzhampeisova Zh.* (2006). Kazakhskoye obshchestvo i pravo v poreformennoy stepi [Kazakh society and law in the post-reform steppe]. Almaty. 269 p. [in Russian]
- Kraft, 1898** – *Kraft I.I.* (1898). Sbornik uzakoneniy o kirgizakh Stepnykh oblastey [A collection of legalizations about the Kirghiz of the Steppe areas]. Orenburg. 532 p. [in Russian]
- Ksendzhik, 2015** – *Ksendzhik G.N.* (2015). Istoricheskaya geografiya stepnykh oblastey Kazakhstana v XIX – nachale XX vv. [Historical geography of steppe regions of Kazakhstan in the XIX – beginning of the XXth century]. Almaty. 406 p. [in Russian]
- Lysenko, 2001** – *Lysenko L.M.* (2001). Gubernatory i general-gubernatory Rossiyskoy imperii XVIII–XX vv. [Governors and governors-general of the Russian Empire of the XVIII–XX centuries]. Moskva. 358 p. [in Russian]
- Lyubichankovskiy, 2003** – *Lyubichankovskiy S.V.* (2003). Gubernskoye pravleniye v sisteme gubernatorskoy vlasti v posledneye desyatiletie sushchestvovaniya Rossiyskoy imperii (na materialakh Urala) [Provincial government in the system of gubernatorial power in the last decade of the Russian Empire (on the materials of the Urals)]. Yekaterinburg. 275 p. [in Russian]
- Martin, 2012** – *Martin V.* (2012). Zakon i obychay v stepi: kazakhi Srednego zhuzha i rossiyskiy kolonializm v XIX v. [Law and custom in the steppe: Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian colonialism in the 19th century]. Almaty. 282 p. [in Russian]
- Masanov, 1995** – *Masanov N.E.* (1995). Kochevaya tsivilizatsiya kazakhov: osnovy zhiznedeyatel'nosti nomadnogo obshchestva» [Nomadic civilization of Kazakhs: the foundations of vital activity of a nomadic society]. Almaty – Moskva. 320 p. [in Russian]
- Masevich, 1960** – *Masevich M.G.* (1960). Sost. Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana. T.1. [Materials on the history of the political system of Kazakhstan]. Alma-Ata. 441 p. [in Russian]
- Matkhanova, 2002** – *Matkhanova N.P.* (2002). Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX veka: Problemy sotsial'noy stratifikatsii [The Higher Administration of Eastern Siberia in the middle of the XIX century: Problems of social stratification]. Novosibirsk. 258 p. [in Russian]
- Meiyo, 1865** – *Meiyo L.* (1865). Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannyye ofitserami General'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva [Materials for geography and statistics of Russia, collected by the officers of the General Staff]. Sankt-Peterburg. 414 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXXVIII, 1830a** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830. vol. XXXVIII, no. 29126, 1354 p. [in Russian]
- Semenov, Semenova, 1999** – *Semenov V.G., Semenova V.P.* (1999). Gubernatory Orenburgskogo kraya [Governors of the Orenburg region]. Sostaviteli. Orenburg. 400 p. [in Russian]
- Semenova, 2001** – *Semenova N.L.* (2001). Voennoye upravleniye Orenburgskim krayem v kontse XVIII- pervoy poloviny XIXvv. [Military administration of the Orenburg region in the late XVIII – first half of the XIX century]. Sterlitamak. 195 p. [in Russian]
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of Republic of Kazakhstan]. [in Russian]

Дистанции и дистаночные начальники казахов Оренбургского ведомства (1830–1860-е годы)

Гульмира Салимжановна Султангалиева ^{a, *}, Жанна Камчибековна Дюсембекова ^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан

Аннотация. В статье раскрывается процесс внедрения дистаночной системы на территории казахов Оренбургского ведомства и назначение начальников дистанций на протяжении почти сорока лет (1831–1868). Региональной администрации важно было форсировать интеграцию Казахской степи в состав Империи посредством создания дробной территориально-административной структуры управления, усиления влияния российской власти в Степи, так как в первой половине XIX века Оренбургская губерния являлась своеобразным мостом для продвижения Российской империи в Среднюю Азию. Дистаночная система дала возможность проводить системный учет количества кибиток и численность казахского населения, находившихся в глубине Степи, и осуществлять сбор кибиточной подати с местного населения, урегулировать взаимоотношения между приграничными жителями и кочевниками. Статья основана на архивных документах, извлеченных из Центрального государственного архива РК и исторической литературы.

Ключевые слова: Казахская степь, дистанции, дистаночные начальники, Оренбургская губерния, Российская империя, административная реформа, военные чины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: sultangaliyevagulmira@gmail.com (Г.С. Султангалиева)